

Пузыревский Александр Казимирович

**История военного искусства в
Средние века (V-XVI столетия)**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Казимирович П.**
История военного искусства в Средние века (V-XVI столетия): Часть 1 / Пузыревский
Александр Казимирович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 253 с.

ISBN 978-5-519-79839-6

ISBN 978-5-519-79839-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Задача военного искусства, выраженная въ самой общей формулѣ, заключается въ *умѣннѣ бить врага съ наименьшими для себя усиліями и потерями*. Но бой есть лишь конечный результатъ всѣхъ предшествующихъ мѣръ, соображеній и операцій, а потому военное искусство, слагаясь изъ многообразныхъ данныхъ, состоитъ не только въ стратегическихъ и тактическихъ операціяхъ, но находится также въ тѣснѣйшей связи съ другими элементами военного дѣла и опредѣляется ими; сюда относятся: комплектованіе, формированіе, организація, вооруженіе, продовольствіе, воспитаніе, образованіе войскъ и пр. Такимъ образомъ тотъ или другой составъ войскъ опредѣляетъ собою и соответствующій характеръ стратегическаго и тактическаго искусства, что легко провѣрить, сравнивши, напримѣръ, феодальную эпоху съ временемъ господства наемныхъ войскъ (ландскнехты, рейтары). Система продовольствія войскъ также рѣшительно влияетъ на общій характеръ военныхъ операцій (Тридцатилѣтняя война и Вѣкъ Людовика XIV) и пр.

Военное искусство имѣетъ свою *теорію*, которая обнимаетъ всѣ указанные элементы въ общей ихъ части.

По мнѣнію Наполеона: «Тактика, эволюціи, инженерная или артиллерійская науки могутъ быть изучаемы по книгамъ почти также какъ геометрія; но знаніе высшей части войны пріобрѣтается только опытомъ и изученіемъ исторіи войнъ и сраженій великихъ полководцевъ. Можно ли выучить по грамматикѣ, какъ составить пѣснь Илиады или трагедію Корнеля? Александръ сдѣлалъ 8 кампаній, Аннибалъ—17, Цезарь—13, Густавъ Адольфъ—3 (?), Тюрень—18, принцъ Евгенийъ Савойскій—13, Фридрихъ—11. Исторія этихъ 84 кампаній, тщательно разработанная, составитъ полный трактатъ по военному искусству». Къ этому мы прибавимъ, что къ чтенію кампаній великихъ полководцевъ можно съ пользою

приступить только послѣ старательной предварительной подготовки, заключающейся въ изученіи теоретическихъ трактатовъ по военному искусству и исторіи его, такъ какъ польза изученія упомянутыхъ походовъ обуславливается самостоятельнымъ отношеніемъ къ предмету и точнымъ знаніемъ обстановки данной эпохи.

Спеціальная задача *Исторіи военного искусства* заключается въ изслѣдованіи тѣхъ путей по которымъ шло *развитіе* военного искусства, понимаемого въ обширномъ смыслѣ, и тѣхъ причинъ, которыми обуславливалось это развитіе. Такимъ образомъ, какъ видимъ, задача Исторіи военного искусства вполне аналогична съ задачей Общей исторіи, изслѣдующей пути развитія человѣчества, или какого либо народа. При безконечной видоизмѣняемости исторической обстановки, а слѣдовательно и отсутствіи повторяемости тождественныхъ явленій при тождественныхъ условіяхъ, ни Общая исторія, ни Исторія военного искусства, не могутъ дать кодекса *законовъ*, подобныхъ *тѣмъ*, которые установлены точными науками: они могутъ указать лишь *законъ развитія*, каждая въ области своего вѣдѣнія. Изучая исторію военного искусства, мы приходимъ къ заключенію, что наивысшія ступени развитія этого искусства у различныхъ народовъ вовсе не могутъ быть связаны ни съ эпохой наибольшаго просвѣщенія, ни съ высокимъ состояніемъ культуры; онѣ также не совпадаютъ съ временами наиболее богатыми войнами, когда невѣжественное и осмирѣвшее человечество, важнѣйшимъ и славнѣйшимъ выраженіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній государствъ считало войну. Такимъ образомъ кульминаціонный пунктъ греческаго, римскаго и арабскаго военного искусства не совпадаетъ съ временемъ наивысшей образованности этихъ народовъ; съ другой стороны военное искусство самой мрачной эпохи Среднихъ вѣковъ, времени господства феодальнаго права, находилось на весьма жалкой ступени развитія. Исторія насъ учитъ что *военное искусство, понимаемое въ обширномъ смыслѣ слова, достигаетъ наиболее полного и гармоническаго развитія у каждаго народа въ тѣ эпохи его историческаго существованія, когда весь народъ во всей его совокупности живетъ наиболее полной жизнью, находя гармоническое удовлетвореніе всемъ своимъ потребностямъ, какъ умственно-моральнымъ такъ и материальнымъ, въ семейныхъ, государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ.*

Признавъ вѣрными нашу точку зрѣнія и выводъ, слѣдуетъ

прийти къ заключенію, что въ исторіи военнаго искусства нѣтъ эпохи, которая-бы не имѣла научнаго значенія; времена наибольшаго упадка военнаго искусства также поучительны, какъ и времена широкаго развитія всѣхъ его элементовъ; только изучая тѣ и другія можно уяснить причины, способствовавшія развитію военнаго искусства или его паденію. Рыцарская тактика, рыцарскій способъ веденія войны, конечно, не могутъ имѣть для насъ *непосредственнаго* практическаго значенія (какъ и вообще любой отдѣльный фактъ, вырванный изъ области военной исторіи), но какъ фазисъ въ развитіи военнаго дѣла, они имѣютъ свое совершенно опредѣленное мѣсто и подлежатъ тщательному изслѣдованію.

Значеніе Среднихъ вѣковъ въ Исторіи военнаго искусства долго не находило истинной оцѣнки по тѣмъ же причинамъ, какъ и выясненіе смысла этой эпохи въ исторіи развитія европейскихъ народовъ вообще. Въ послѣднемъ отношеніи мы видимъ, что дѣятели «Возрожденія», углубившись въ изученіе классической древности, ища тамъ идеаловъ и оружія для борьбы съ учрежденіями своего времени, естественно съ ожесточеніемъ относились къ эпохѣ Среднихъ вѣковъ. Въ послѣдующее время господства ложно-классическихъ идей, когда утрачена была способность къ пониманію національных основъ жизни, нельзя тоже искать правильной оцѣнки историческаго значенія Среднихъ вѣковъ. Дѣятели второй половины XVIII ст., «энциклопедисты» и философы, въ борьбѣ съ остатками средневѣковыхъ учрежденій столь же односторонне видѣли въ разсматриваемой нами эпохѣ одно лишь варварство и также мало могли выяснить эту ступень въ развитіи европейскихъ народовъ, какъ и политическая близорукость наслѣдовавшихъ имъ романтиковъ. Только положительная философія новѣйшаго времени указала истинное значеніе Среднихъ вѣковъ въ развитіи европейскаго общества. Ища точнаго опредѣленія причинъ каждаго явленія, выясняя условія его обстановки, отыскивая преемственность связи между явленіями жизни и духа, отвергая всякаго рода скачки въ развитіи идей и событій, положительная философія нашла положительное содержаніе и въ Среднихъ вѣкахъ, указала ихъ законность, какъ фазиса въ развитіи европейскихъ народовъ и государствъ, опредѣлила ихъ исключительныя особенности. Средніе вѣка внесли въ политику нравственный принципъ, что было неизвѣстно классическому миру, возвысили значеніе семьи и личности, поглощавшихся въ древнемъ обществѣ государствомъ, подго-

товили распространеніе благъ цивилизаціи на весь земной шаръ, положили начало уничтоженію рабства, т. е. того учрежденія на которомъ покоился древній миръ.

Въ военномъ искусствѣ значеніе Среднихъ вѣковъ не менѣе важно. Изъ сочетанія искусства древнихъ и новыхъ народовъ выработались начала современнаго военнаго искусства; рыцарство развило принципы военной чести, военной доблести до высочайшей степени; изобрѣтено было огнестрѣльное оружіе — одинъ изъ важнѣйшихъ современныхъ боевыхъ дѣятелей; учреждены постоянныя войска на началахъ, имѣющихъ мало общаго съ древними понятіями объ этомъ учрежденіи, и давшихъ центральной власти возможность побѣдоносной борьбы съ феодализмомъ.

Такимъ образомъ изученіе средневѣковаго военнаго искусства необходимо не только для уясненія того пути, по которому развивалось военное дѣло, но и для полнаго, точнаго пониманія современныхъ военныхъ учреждений.

Приступая къ этой задачѣ, очевидно нѣтъ никакой надобности описывать всѣхъ войнъ, всѣхъ военныхъ учреждений; бесполезно изучать послѣдовательное развитіе военнаго искусства у каждаго народа или государства. Масса фактовъ и мелочей не только не уяснила-бы дѣла, а, напротивъ, — затемнила-бы его. Достаточно и вполне цѣлесообразно изслѣдовать лишь тѣ событія, тѣ учрежденія и идеи которыя указываютъ общій путь развитія военнаго искусства. Тотъ народъ, то государство которые являются наиболѣе полными выразителями военнаго искусства данной эпохи — и становятся предметомъ изслѣдованія; тоже слѣдуетъ сказать и о военныхъ операціяхъ; только тѣ изъ нихъ представляютъ интересъ съ нашей точки зрѣнія, въ которыхъ наиболѣе полно проявилось искусство разсматриваемой эпохи.

Что касается предѣловъ средневѣковаго военнаго искусства, то указать ихъ точно во времени невозможно, да это противорѣчило бы и сущности нашего изслѣдованія, такъ какъ мы стремимся уяснить путь *постепеннаго и послѣдовательнаго* развитія военнаго искусства, а потому всякія перегородки стояли бы въ противорѣчіи съ основнымъ понятіемъ о задачахъ Исторіи военнаго искусства. Средніе вѣка находятся въ преемственной исторической связи съ предшествующими и послѣдующими временами, и опредѣленіе ихъ во времени имѣетъ лишь условное значеніе. Въ этомъ смыслѣ начало средневѣковаго военнаго искусства совпадаетъ съ таковой-же

эпохой общей исторіи и оттъняется преобладающей ролью новыхъ народовъ на историческомъ поприщѣ. Но классическое военное искусство исчезло не вдругъ; оно видоизмѣнялось, постепенно утрачивая старыя формы и начала, воспринимая новыя, подѣ влияніемъ различныхъ причинъ, въ томъ числѣ и воздѣйствіи «варваровъ» съ ихъ своеобразными бытовыми условіями, понятіями, шагъ за шагомъ завоевывавшими древній матеріальный и духовный міръ. Въ первыя 3—4 столѣтія по окончательномъ разрушеніи Западной Римской имперіи новыя народы размѣщаются и постепенно осѣдаютъ на занятыхъ мѣстахъ, при этомъ начальныя условія ихъ быта и всѣхъ внутренне-общественныхъ отношеній терпятъ рѣшительныя измѣненія; параллельно этому измѣняется ихъ военное устройство и военное искусство.

Вліяніе древнихъ образцовъ, которые не были чужды новымъ народамъ въ началѣ ихъ всемірно-исторической дѣятельности постепенно изглаживается и военное дѣло опредѣляется уже въ строгой зависимости отъ экономическихъ и общественныхъ отношеній государствъ развившихся на развалинахъ Римской имперіи. Въ послѣдующія 4—5 столѣтія зародыши началъ таившихся въ организаціи и внутренне-общественныхъ отношеніяхъ новыхъ государствъ, достигаютъ своего полного расцвѣта и параллельно этому феодальная военная система достигаетъ апогея своего величія. Сосредоточеніе военного ремесла въ рукахъ высшаго сословія, при слабости центральной власти, ничтожное значеніе пѣхоты, т. е. огромнѣйшей массы народа, исключительное преобладаніе на поляхъ сраженій конницы, отсутствіе единства управленія войсками, отсутствіе среди нихъ дисциплины, отсутствіе учреждений, обнимающихъ собою общія отрасли устройства, управленія и благосостоянія войскъ, неспособность армій для дальнихъ обдуманныхъ операцій, выразившаяся такъ ярко въ Крестовыхъ походахъ—таковы характеристическія черты феодальной военной системы. Среди этого неустройства, безурядицы мрачнаго варварства, нескончаемыхъ междоусобій, вырастаетъ, подѣ влияніемъ Востока, учрежденіе, въ которомъ всѣ благородныя инстинкты человѣческой природы находятъ свое приложеніе—мы говоримъ о рыцарствѣ. Но Востокъ оказалъ и болѣе непосредственное, рѣшительное вліяніе на военное искусство, ознакомивъ западную Европу съ особою системою веденія войны, съ широкимъ пользованіемъ метательнымъ оружіемъ, далъ высокіе образцы легкой конницы, познакомилъ съ употребленіемъ зажига-

тельныхъ и метательныхъ составовъ. У восточныхъ-же народовъ мы видимъ господство боевыхъ порядковъ, основанныхъ на системѣ резервовъ.

Континентальныя западно-европейскія арміи терпятъ удары не только отъ восточныхъ народовъ, но и отъ англійской арміи XIV—XV столѣтій, хотя организованной по феодальной системѣ, но устроенной правильно и заключающей въ себѣ здоровые элементы большей части націи, гдѣ встрѣчается многочисленный классъ общества, пользующійся гражданскими правами, относительнымъ матеріальнымъ благосостояніемъ и служащій связью между преобладающимъ сословіемъ и низшими слоями народа. Участіе въ бою этого элемента, придаетъ столновеніямъ особый характеръ, гдѣ пѣшій и подготовительный метательный бой играютъ важную роль.

Благоустройство арміи и ея дисциплина позволяютъ осуществлять обширные замыслы и вести борьбу съ непрерывной энергіей. Въ этой столѣтной борьбѣ зарождается и осуществляется идея о постоянныхъ войскахъ. Въ началѣ этой же эпохи появляется новый дѣятель—огнестрѣльное оружіе и получаетъ быстро обширное распространеніе, но матеріальное вліяніе его, по несовершенству устройства, весьма незначительно, такъ что возрожденіе пѣхоты, въ бояхъ швейцарцевъ съ австрійцами, и Карломъ Смѣлымъ, и гусситами съ пѣмцами, совершается главнымъ образомъ при пособіи стараго оружія, но новыхъ тактическихъ и стратегическихъ идей, вытекающихъ изъ особыхъ условій устройства борющихся народовъ и ихъ вооруженныхъ силъ.

Усиленіе центральной власти со времени Крестовыхъ походовъ, найдя опору въ городахъ, постепенно развивающихъ свое благосостояніе, идетъ непрерывно и проявляется съ большею и большею рѣшительностью. Возрастающая сила этого общественно-государственного фактора постепенно пріобрѣтаетъ такія матеріальныя средства для вооруженной борьбы, какими не обладаетъ ни одинъ изъ феодальныхъ владѣльцевъ; на ряду съ этимъ потребности войны сильно увеличиваются вмѣстѣ съ усложненіемъ матеріальной части войскъ, необходимостью обильныхъ запасовъ новаго оружія, боевыхъ припасовъ и финансовыхъ средствъ для содержанія постоянныхъ или временно-наемныхъ войскъ. Въ постоянныхъ или наемныхъ войскахъ (швейцарцы, ландскнехты, рейтары) центральная власть въ XV и XVI столѣтіяхъ находитъ сильное орудіе для борьбы съ феодализмомъ. Но въ свою очередь, подъ вліяніемъ этихъ

условіи, вырабатывается типъ солдата наемника, чуждаго какихъ либо національныхъ или государственныхъ интересовъ и преслѣдующаго исключительно личныя цѣли, находящія полное удовлетвореніе въ безпощадномъ грабежѣ враговъ и друзей.

Огнестрѣльное оружіе постепенно совершенствуется, получаетъ широкое распространеніе и значеніе его переходитъ даже должныя предѣлы, причемъ является стремленіе извратить назначеніе этого оружія, обративъ его изъ средства подготовительнаго въ рѣшительное.

Огнестрѣльное оружіе оказываетъ замѣтное вліяніе на тактическія формы; изученіе классическаго міра и его идей имѣетъ въ этомъ смыслѣ стольже важное значеніе. Постепенно вырабатываются тонкія формы строя, устанавливаются отношенія между огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ, между пѣхотой, кавалеріей и артиллеріей, причемъ отношенія эти приближаются къ нормамъ, соответствующимъ основнымъ свойствамъ и боевому значенію каждаго изъ родовъ войскъ. Въ этомъ смыслѣ военное искусство дѣлаетъ весьма замѣчательные успѣхи въ теченіе XVI столѣтія и вполне подготовляетъ почву для послѣдующей шведской тактики.

Инженерное искусство, первоначально приспособленное къ потребностямъ раздробленнаго феодальнаго общества и вылившееся въ типическую форму замка, начинаетъ служить сперва для удовлетворенія городскимъ интересамъ, а затѣмъ и обще-государственнымъ. Богатство италіянскихъ средневѣковыхъ городовъ, остатки древней образованности въ этой странѣ, соперничество городскихъ республикъ между собою, многочисленные походы противъ Италіи—были причиною особаго развитія инженернаго искусства въ этой странѣ, гдѣ выработалась и получила затѣмъ всеобщее распространеніе столь извѣстная *италіянская система* крѣпостей.

Искусство атаки, по самому устройству средневѣковыхъ армій, по энергіи обороняющагося, знавшаго свою печальную участь въ случаѣ сдачи, и по отсутствію достаточныхъ средствъ для борьбы съ массивными сооруженіями, долго находится въ жалкомъ состояніи, тѣмъ болѣе что и огнестрѣльное оружіе, вслѣдствіе слабости и невѣрности дѣйствія, не можетъ дать рѣшительной помощи, а потому во всю эпоху Среднихъ вѣковъ оборона имѣетъ преимущество передъ атакой.

Стратегическое искусство, вслѣдствіе состава и устройства средневѣковыхъ армій и подъ вліяніемъ вообще всѣхъ военно-поли-

тическихъ условій времени, находится въ крайнемъ упадкѣ. Съ полнымъ развитіемъ феодальной военной системы оно все болѣе и болѣе удаляется даже отъ тѣхъ образцовъ, которые представляютъ походы Карла Мартелла и Карла Великаго. О состояніи его въ эпоху преобладанія феодальной военной системы можно судить по Крестовымъ походамъ. Эти походы бросили, впрочемъ, зародыши лучшихъ понятій о стратегическомъ искусствѣ, на что встрѣчаются указанія въ теоретическомъ трактатѣ Мартино Сануто, но осуществленіе этихъ идей не скоро могло исполниться. Можно сказать, что стратегическое искусство въ томъ смыслѣ какъ понимали его величайшіе полководцы древности и какъ понимаемъ мы его въ настоящее время, было восстановлено въ полномъ его объемѣ Густавомъ Адольфомъ на поляхъ Германіи въ Тридцатилѣтнюю войну. Такъ какъ стратегическое искусство служить конечнымъ выраженіемъ военнаго искусства вообще и находится въ тѣсной связи со всѣми отраслями военнаго дѣла, то эпоху Тридцатилѣтней войны можно условно принять началомъ *новаго военнаго искусства*.

Въ вышеприведенныхъ строкахъ мы старались намѣтить общій ходъ развитія военнаго искусства, какъ мы его понимаемъ. Правильно или нѣтъ такое пониманіе—для насъ составляетъ вопросъ первостепенной научной важности и мы ждемъ съ величайшимъ интересомъ приговора специалистовъ, если нашъ трудъ удостоится ихъ вниманія.

Вышеуказанный путь развитія военнаго искусства далъ и программу нашему труду. Мы не могли слѣдовать обычному изложенію, принятому почти во всѣхъ сочиненіяхъ подобнаго рода, и заключающемуся въ передачѣ событій въ хронологическомъ порядкѣ, по столѣтіямъ и иногда съ раздѣленіемъ по государствамъ. У насъ каждая глава имѣетъ предметомъ преобладающее развитіе той или другой идеи, того или другаго элемента военнаго искусства въ послѣдовательномъ ходѣ исторіи.

Источниками и пособиями намъ служили, во-первыхъ, литературные памятники изслѣдуемой эпохи. Само собою разумѣется, что мы не могли основать, какъ это ни жалъ, всей нашей работы на этихъ первыхъ источникахъ—подобный трудъ немислимъ для одного лица и потребовалъ бы нѣсколькихъ человѣческихъ жизней. Мы могли воспользоваться только нѣкоторыми основными источниками, какъ напримѣръ: трудами Прокопія Кесарійскаго о войнѣ

съ персами, лѣтописью монаха Риккера, хрониками Фрусара и Комина, русскими лѣтописями, сказаніями мусульманскихъ писателей и пр., а также нѣкоторыми историческими хрестоматіями, какъ, напримѣръ, превосходнымъ сборникомъ г. Стасюлевича, хрестоматіей по французской исторіи г. Дюсье и др. Во-вторыхъ, мы изучили нѣкоторые специально-военные трактаты средневѣковыхъ писателей (отчасти и древнихъ) — Вегеція, императора Льва философа, Марино Сануто (по извлеченію г. Стасюлевича), Макіавели, Фрундсберга или Фронспергера, Вальгаузена и др. Въ-третьихъ, существенную помощь мы нашли въ обработанныхъ трактатахъ по общей и русской исторіи, какъ напримѣръ у Соловьева, Забѣлина, Вейсса. Въ-четвертыхъ мы перечли всѣ, сколько нибудь, какъ намъ кажется, извѣстныя пособія, руководства и учебники по исторіи военнаго искусства, и ознакомились со многими изслѣдованіями и монографіями по отдѣльнымъ вопросамъ. Указанія на эти труды читатель найдетъ въ примѣчаніяхъ, помѣщенныхъ въ концѣ каждой части. Часто намъ приходилось обращаться къ нѣскольکو устарѣвшему, но солидному сочиненію Брандта. Ближе всего къ нашей программѣ подходитъ соч. Гардегга, но оно такъ кратко говоритъ о средневѣковомъ военномъ искусствѣ, что намъ очень мало пришлось пользоваться этимъ авторомъ. Къ этой-же категоріи относятся сочиненія Каріонъ Низа, Роканкура, Леконта и др. Гораздо болѣе даетъ, но главнѣйшимъ образомъ по административной части и то только для Франціи, прекрасное сочиненіе Бутарика. Рихтгофенъ очень полезенъ при изслѣдованіи хозяйственныхъ вопросовъ. Очень слабо въ научномъ отношеніи, но богато текстуальными выписками изъ важныхъ источниковъ сочиненіе Гарди. Послѣдними достоинствами отличается и монографія г. Черткова о болгарскомъ походѣ Святослава. Исторія пѣхоты Рюстова—прекрасное пособіе при изученіи военнаго искусства, начиная съ XV ст. Для исторіи кавалеріи важное значеніе имѣетъ трудъ Денисона съ дополненіями г. Брисса. По исторіи артиллеріи незамѣнимо капитальное сочиненіе Наполеона III и генерала Фаве. Сущность развитія инженернаго искусства изложена кратко, но обстоятельно и прекрасно г. Кюн; сочиненіе Цастрова по этому же предмету полезно для позднѣйшей эпохи Среднихъ вѣковъ и пр.

Но во главѣ всѣхъ повѣйшихъ пособій по исторіи военнаго искусства мы должны поставить драгоцѣнное сочиненіе г. Мейнерта.

Правда авторъ имѣетъ предметомъ только европейское военное искусство, а программа его совершенно не соотвѣтствуетъ нашей, такъ какъ онъ не касается военныхъ операцій и рассматриваетъ развитіе военнаго искусства въ хронологическомъ порядкѣ притомъ по государствамъ, такъ что трудъ его могъ имѣть для насъ значеніе почти исключительно лишь какъ матеріалъ, но матеріалъ чрезвычайно богатый и добросовѣстно, съ замѣчательной полнотой сгруппированный.

При составленіи атласа мы пользовались между прочимъ Каузлеромъ и главнѣйшимъ образомъ Іенсомъ; текстъ къ прекрасному атласу Іенса не оставленъ нами безъ вниманія, хотя въ немъ нагроможденъ совершенно сырой матеріалъ, часто едва-ли имѣющій какое либо научное значеніе и притомъ иногда проникнутый узко-патріотической лирикой.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ заявить, что трудъ нашъ, по спеціальности его содержанія и малому развитію научныхъ интересовъ въ нашемъ обществѣ, обязанъ своимъ появленіемъ въ печати только содѣйствію Николаевской академіи генеральнаго штаба. Назначеніе его—главнымъ образомъ служить *пособіемъ* для офицеровъ, обучающихся въ названной академіи.

А. Пузыревскій.